

ПРОТИВОРЕЧИЯ И КРАЙНОСТИ РУССКОЙ РЕАЛЬНОЙ КРИТИКИ
В ОЦЕНКЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЗИЦИИ И.А. ГОНЧАРОВА

В отечественном литературоведении закрепилось мнение о чрезмерной объективности, даже сухости и холодности И.А. Гончарова как писателя, не желавшего проявлять свое личное отношение к описываемым им событиям и лицам. В статье доказывается, что истоки такого мнения об авторе «Обломова» берут начало в критике натуральной школы. Выясняется, что мысль В.Г. Белинского о Гончарове как о писателе-живописце, никоим образом не поучающим и не разоблачающим, стала основой для последующей критики Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, Н.В. Шелгунова. В статье показано изменение отношения современной прогрессивной критики к Гончарову от положительного к отрицательному. Если первый роман писателя «Обыкновенная история» был принят представителями натуральной школы очень тепло, даже восторженно, то второй и самый известный – «Обломов» уже вызвал массу споров и разногласий, а последний – «Обрыв» и вовсе не был понят и оказался оценен как ретроградный роман, написанный человеком с очень устаревшими взглядами на социальную жизнь России, который фактически воспел ее крепостническое прошлое и резко осудил революционно настроенную молодежь. На примере аналитического изучения материалов нескольких критических статей делается вывод о том, что представители «реального» направления относили Гончарова к сторонникам чистого искусства. Новизна статьи заключается в выявлении противоречий и крайностей представителей натуральной школы в оценке Гончарова, оценке способов использования произведений классика для продвижения своей теории и программы.

Ключевые слова: Гончаров, авторское сознание, натуральная школа, критика, субъективность, объективность, чистое искусство, талант

Информация об авторе: Винокурцева Юлия Олеговна, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2608-5519>, аспирант Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия

E-mail: aug17619@yandex.ru

Дата поступления статьи: 12.11.2020

Для цитирования: Винокурцева Ю.О. Противоречия и крайности русской реальной критики в оценке литературной позиции И.А. Гончарова // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 100-106. DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-100-106>

Yuliya O. Vinokurtseva
Kostroma State University

CONTRADICTIONS AND EXTREMES OF RUSSIAN REAL CRITICISM
IN ASSESSING THE LITERARY POSITION OF IVAN GONCHAROV

In Russian literary studies, the opinion about the excessive objectivity, if not dryness and coldness, of Ivan Goncharov as a writer, who did not want to show his personal attitude to the events and persons described by him in any way, was fixed. The article reveals the origins of this opinion about the author of «Oblomov», proves that it originates in the criticism of the natural school. It turns out that here was Vissarion Belinsky to start the party of considering Ivan Goncharov as someone who only portrays, paints, but does not lecture anyone and does not punish, does not expose his contemporary reality became the basis for subsequent criticism of the mid-19th century, represented by the names of Nikolay Dobrolyubov, Dmitry Pisarev, Nikolai Shelgunov. The article shows the change in the attitude of criticism of «Nikolai Gogol direction» to Ivan Goncharov from positive to negative – thus, if the first novel of the writer, «A Common Story» was perceived by supporters of the natural school very warmly, even enthusiastically, the second and the most famous – «Oblomov» – was not the same and caused a lot of controversy, and the last – «The Precipice» – was in fact misunderstood and considered to be a retrograde novel written by a man with very outdated views on the social life of Russia, the one who actually sang of Russia's serfdom past and sharply condemned revolutionary-minded youth. Based on the materials of several critical articles, it is concluded that representatives of the «real» direction attributed Ivan Goncharov to the supporters of pure art, or «art for art's sake».

Keywords: Ivan Goncharov, author's consciousness, natural school, criticism, subjectivity, objectivity, pure art, talent

Information about the author: Yuliya O. Vinokurtseva, ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2608-5519>, post-graduate student, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: aug17619@yandex.ru

Article received: November 12, 2020

For citation: Vinokurtseva Yu.O. Contradictions and extremes of Russian real criticism in assessing the literary position of Ivan Goncharov. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 4, pp. 100-106 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-4-100-106>

В конце 40-х гг. XIX в. на авансцену русской литературы вышла так называемая натуральная школа. Сторонники этого направления утверждали, что идут вслед за Гоголем в стремлении отражать жизнь такой, какая она есть, без прикрас и идеализации.

В начале своего существования натуральная школа приобрела множество сторонников, особенно среди прогрессивной молодежи. «Гоголевское направление» в 1840-х гг. быстро завоевало умы молодых писателей, а также сочувствующих им читателей и обрело последователей в лице критиков, внеся свою лепту в развитие русской литературы.

В.В. Тихомиров пишет: «Со времен позднего Белинского в отечественном литературоведении сохраняется убеждение, в соответствии с которым натуральная школа в русской литературе 1840-х годов, иногда называвшаяся также гоголевским направлением, представляет собой этап в литературном развитии, отличавшийся гражданским, обличительным характером, верностью действительности и гуманистическими тенденциями» [Тихомиров 2015: 98].

Душой и идеологом этого направления был В.Г. Белинский. В последней обзорной статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» автор касается творчества молодого писателя И.А. Гончарова. В романе «Обыкновенная история» Белинский увидел проявление большого таланта, но это был, по его мнению, талант живописца, а не бытописателя. Именно талант художника, в особенности портретиста, отмечает критик у Гончарова и в этом сходится с более поздним сравнением писателя с фламандцами, данным А.В. Дружининым.

Вот как оценивает авторскую позицию Гончарова Белинский: «Он поэт, художник – и больше ничего. У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю, он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона» [Белинский: 32]. С этой позицией впоследствии согласится Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?».

Белинский относит Гончарова в стан враждебных ему сторонников «искусства ради искусства»: «Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства, тогда как все другие отошли от него на неизмеримое пространство – и тем самым успевают. Все нынешние писатели имеют еще нечто, кроме таланта, и это-то нечто важнее самого таланта и составляет его силу; у г. Гончарова нет ничего, кроме таланта» [Белинский: 32]. «Главная сила таланта г. Гончарова, – пишет Белинский, – всегда в изящности и тонкости кисти, верности рисунка; он неожиданно впадает в поэзию даже в изображении мелких и посторонних обстоятельств» [Белинский: 34]. Отсюда критик делает вывод, что «в таланте

г. Гончарова поэзия – агент первый и единственный...» [Белинский: 34].

Таким образом, Белинский отказывает прозе Гончарова в актуальности, общественной значимости и злободневности. Он признает за писателем талант, но и только. Критик сожалеет об отсутствии у Гончарова четкой гражданской позиции и социальной риторики, которую в первую очередь ценили сторонники натуральной школы. Действительно, Гончаров был далек от политической борьбы своего времени. Его нельзя отнести в стан активных общественных деятелей. Спокойная, подчас апатичная натура Гончарова не позволяла ему идти на баррикады, быть агитатором социальных переворотов и рупором революции, какими были, к примеру, Герцен, Огарев или Чернышевский и каким хотели видеть его представители натуральной школы. Гончаров не мог не понимать губительности крепостного права, не мог не ратовать за преобразования в России, но, думается, он хотел, чтобы эти преобразования имели вид поступательных реформ. В этом плане Гончаров напоминал своего героя, Илью Ильича Обломова, которому «и хотелось бы, чтоб было чисто, да он бы желал, чтоб это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой» [Гончаров, 4: 14].

Со смертью Белинского интерес и актуальность его взглядов на литературу не иссякли. Вот что пишет о продолжателях дела Белинского на примере критика Н.Г. Чернышевского В.В. Тихомиров: «Заветы Белинского – вдохновителя натуральной школы, его литературно критическая программа последних лет жизни оказались достаточно жизнестойкими и актуальными для последующего периода развития русской литературы и критики. Стремление Чернышевского поддержать и продолжить традиции натуральной школы («гоголевского направления»), как не совсем верно – вслед за Белинским – называет его новый идеолог прежнего метода) объясняется не только политическими причинами, но и близостью методологии и эстетики» [Тихомиров 2010: 26].

Тихомиров предлагает развести понятия «натуральная школа» и «гоголевское направление», считая, что «эмпирические в своей основе представления об искусстве как воспроизведении жизни в формах самой жизни предполагали и соответствующий метод критического анализа, основы которого разрабатывались Чернышевским, прямо ориентировавшимся на традиции “критики гоголевского периода”, то есть на Белинского последнего периода его деятельности. Формирование этого критического метода было завершено Добролюбовым, назвавшим свою литературную критику “реальной”, поскольку она имеет дело не только с художественным материалом: по поводу литературного произведения, по существу, подвергаются социальному и этическому анализу жизненные

реалии. Тем самым ликвидируется грань между действительной жизнью и ее условным, образным воплощением, каковым является литературное произведение» [Тихомиров 2010: 26–27].

В 1859 г. в свет выходит статья Н.А. Добролюбова «Что такое обломовщина?», написанная сразу после публикации романа «Обломов». Молодой критик начинает статью с обсуждения первой части романа «Обломов», которая, по его словам, «многим показалась скучною», «утомительною», иными словами, «произвела неблагоприятное впечатление на многих читателей» [Добролюбов: 35].

Следуя за Белинским, Добролюбов вынужден упрекнуть Гончарова в отсутствии четкой выраженной жизненной позиции, которая должна была бы найти свое отражение на страницах романа. Вместо призывов к социальному переустройству общества, вместо бичевания барских замашек Обломова и язва крепостного права Добролюбов столкнулся с описанием обетованной Обломовки, где хозяева и слуги живут душа в душу, где царят покой и уют, которые хотя и являют нам беспробудный сон души, но все-таки по-своему милы сердцу автора. «Мирный уголок» напоминает рай, где и «небо ближе жмется к земле... чтобы обнять ее покрепче, с любовью... как родительская надежная кровля», и «река бежит весело, шая и играя», и все вокруг представляет «ряд живописных этюдов, веселых, улыбающихся пейзажей» [Гончаров 4: 103].

Гончаров вовсе не намерен критиковать кого-либо и создавать карикатуры на русских помещиков. Да и как можно не любить Обломовку, если это Богом избранное место, где нет ни гроз, ни ураганов, ни ядовитых гадов, а только «бродят в обилии коровы жующие, овцы блеющие и куры кудахтающие». Это ли не рай на земле? Оттого Гончаров и не стремится изображать сатирические фигуры провинциального дворянства в духе Салтыкова-Щедрина. Нет, в романе Гончарова место сатиры занимает добрый юмор и легкая ирония к милым сердцу обломовцам, которые, как дети, наивны, доверчивы и беспомощны.

Вот что пишет В.И. Мельник по поводу этой особенности прозы Гончарова: «...парадокс состоит в том, что именно этот писатель, прекрасно представляющий себе актуальный срез сознания современного образованного русского человека, пишет о таких “младенчески-наивных” представлениях, как “ад” и “рай”, призывает современного человека, воодушевленного и подавленного великими научными открытиями своего времени и все новыми и новыми техническими достижениями, не отвергать жизнотворную силу “младенческой веры”» [Мельник: 151].

Добролюбов не замечает подобных призывов в тексте романа и заявляет о Гончарове безапелляционно: «Он вам не дает и, по-видимому, не хочет дать никаких выводов. Жизнь, им изображаемая,

служит для него не средством к отвлеченной философии, а прямою целью сама по себе. Ему нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из романа: это уж ваше дело. Ошибетесь – пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора. Он представляет вам живое изображение и ручается только за его сходство с действительностью; а там уж ваше дело определить степень достоинства изображенных предметов: он к этому совершенно равнодушен. У него нет и той горячности чувства, которая иным талантам придает наибольшую силу и прелесть» [Добролюбов: 36].

Добролюбов прав в том, что талант Гончарова лишен «горячности чувства». Страстность не свойственна меланхолическому складу характера писателя. Но мы считаем это его отличительной чертой, а не недостатком. Смог ли бы человек другого темперамента создать мифологизированный образ Обломовки и фигуру самого Ильи Ильича, ставшего уже архетипом не только русской, но и мировой литературы? Для создания таких образов потребовался эпический талант писателя, изобразившего неторопливую картину жизни русского человека, медленно разворачивая ее во всех своих подробностях, подобно самому Гомеру.

Добролюбов уверен, что талант Гончарова «неподатлив на впечатления. Он не запоет лирической песни при взгляде на розу и соловья; он будет поражен ими, остановится, будет долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процесс в это время произойдет в душе его, этого нам не понять хорошенько...» [Добролюбов: 36]. Действительно, Гончарову чужды долгие лирические отступления, какими славились Пушкин и Гоголь, упоительные пейзажи в духе Тургенева, философские раздумья, свойственные Толстому. Позицию автора и его сердечное расположение к определенным персонажам можно найти в искусно построенных диалогах героев, будь то пространственные разговоры дяди и племянника Адуевых или долгие споры Обломова и Штольца. В тот или иной момент мы начинаем симпатизировать одному из героев и, очевидно, это происходит неслучайно: в уста его мастерски вложена мысль автора, который захотел, чтобы мы услышали ее и приняли как свою.

Так, в разговоре со Штольцем Обломов приносит несколько очень важных мыслей по поводу петербургской жизни: герою не нравится «вечная беготня взапуски, вечная игра дрянных страстишек, особенно жадности, перебиванья друг у друга дороги, сплетни, пересуды, шелчки друг другу, это оглядывание с ног до головы; послушаешь, о чем говорят, так голова закружилась, одуреешь» [Гончаров 4: 179]. И когда Обломов вопрошает: «Где же тут человек? Где его целость? Куда он скрылся, как разменялся на всякую мелочь?» [Гончаров 4: 179], мы можем догадаться, что это восклицает сам Гончаров. Как пишет Л.Н. Синякова, «во всех

формах этого суетливого проживания жизни Обломову видится утраченное величие человека, его неподлинность, суррогатность»: «Обломов, сам того не ведая, постулирует основной принцип христианской антропологии. Божий мир совершенен, несовершенен лишь человек – но исключительно по своей вине. Право свободного выбора добра и зла остается за человеком и требует осознанного решения» [Синякова: 165]. Обломов выбирает «недеяние». «Покой, – как отмечает В.И. Тюпа, – оказывается альтернативным суете образом жизни, а не уклонением от нее» [Тюпа: 69].

Отчего происходит так, что Гончаров не выражает напрямую своих мыслей, а вкладывает их в уста определенного героя: от недостатка красноречия или от скупости чувств? Добролюбов склоняется к последнему. Он нередко употребляет эпитет «беспристрастный» по отношению к Гончарову. Критик считает писателя неспособным на проявление эмоций, а подчас сомневается в их наличии и в жизни автора. «Он ничем не увлекается исключительно или увлекается всем одинаково, – пишет Добролюбов. – Он не поражается одной стороной предмета, одним моментом события, а вертит предмет со всех сторон, выжидает совершения всех моментов явления и тогда уже приступает к их художественной переработке. Следствием этого является, конечно, в художнике более спокойное и беспристрастное отношение к изображаемым предметам, большая отчетливость в очертании даже мелочных подробностей и ровная доля внимания ко всем частностям рассказа» [Добролюбов: 37]. Таким образом, Добролюбов, относя Гончарова в стан «бесстрастных бытописателей», пытается продвинуть идеи реальной критики.

В то же время, как бы противореча самому себе, Добролюбов пишет, что Гончаров «всем занялся с любовью, все очертил подробно и отчетливо. <...> Все приведено и изображено с полной отчетливостью и рельефностью» [Добролюбов: 38]. С этим утверждением критика трудно не согласиться. Вспомним хотя бы знаменитое описание халата Обломова.

И все же Добролюбов склонен называть творчество Гончарова «объективным»: «объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубеждениями и заданными идеями, не поддается никаким исключительным симпатиям. Оно спокойно, трезво, бесстрастно» [Добролюбов: 38]. Добролюбов заявляет: «...мы никогда не согласимся, чтобы поэт, тратящий свой талант на образцовые описания листочков и ручейков, мог иметь одинаковое значение с тем, кто с равной силою таланта умеет воспроизводить, например, явления общественной жизни» [Добролюбов: 40].

Сам же Гончаров, очевидно, не стремился встать в один ряд с такими писателями-общественниками. Так, в «Обломове» автор вложил в уста героя

гневною речь в адрес сторонников «гоголевского направления». В разговоре с журналистом Пенкиным Илья Ильич вопрошает: «Из чего же они бьются: из потехи, что ли, что вот кого-де не возьмем, а верно и выйдет? А жизни-то и нет ни в чем: нет понимания ее и сочувствия, нет того, что там у вас называется гуманитетом. Одно самолюбие только. Изображают-то они воров, падших женщин, точно ловят их на улице да отводят в тюрьму. В их рассказе слышны не “невидимые слезы”, а один только видимый, грубый смех, злость...» [Гончаров 4: 28]. Обломов искренне негодует по поводу современной ему литературной тенденции изображать только пороки и клеймить их нещадно. Апатичный и вечно заспанный герой в этой сцене, «вдруг воспламенившись», восклицает: «Изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да и человека тут же не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! – почти шипел Обломов. – Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с собой, – тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову...» [Гончаров 4: 28]. Думается, что в данном случае герой и автор слиты воедино и первый нужен для того, чтобы быть выразителем мыслей последнего.

В 1859 г. по поводу романа «Обломов» публикуется также статья Д.И. Писарева, про которого Тихомиров пишет следующее: «Если реальная критика Чернышевского и Добролюбова в качестве основного объекта анализа сохраняла литературные произведения, то развивавшая ее традиции критика Д.И. Писарева превратилась в реализм как жизненную философию явно позитивистского характера» [Тихомиров 2010: 29].

Для Писарева Гончаров – писатель бесстрастный и спокойный: «Полная объективность, спокойное, бесстрастное творчество, отсутствие узких временных целей, профанирующих искусство, отсутствие лирических порывов, нарушающих ясность и отчетливость эпического повествования, – вот отличительные признаки таланта автора, насколько он выразился в последнем его произведении» [Писарев: 69–70].

К слову, незадолго до этого, в 1858 году, Писарев опубликовал небольшую статью о только вышедших путевых очерках Гончарова «Фрегат “Паллада”». Статья эта была напечатана в женском журнале «Рассвет», где начинал работать совсем еще юный критик. Тогда Писарев не считал перо Гончарова «спокойным» и «бесстрастным». Напротив, он видел в заметках писателя «особенный характер задушевной теплоты и дружеской откровенности» и замечал, что «г. Гончаров постоянно говорит о себе, о своих впечатлениях,

о своем расположении духа, о влиянии внешней обстановки на его здоровье и духовную деятельность; личность автора не скрывается за описываемыми предметами; читатель не теряет ее из виду и коротко знакомится с нею к концу путевых заметок» [Писарев: 72].

Со временем отходя от позиции объективности, критик начинает подравнивать свою точку зрения под идеи реальной критики и уже в следующем году иначе судит о творчестве Гончарова.

Анализируя роман «Обломов», Писарев отдает должное таланту Гончарова и пишет следующее: «Редкий роман обнаруживал в своем авторе такую силу анализа, такое полное и тонкое знание человеческой природы вообще и женской в особенности» [Писарев: 72]. Писарев, как и Белинский, видит главным достоинством прозы Гончарова знание человеческой природы. Гончаров и вправду глубокий сердцевед. Вспомним, как точно он описывает состояние и мотивы главного героя в сцене с письмом: «Обломову в самом деле стало почти весело. Он сел с ногами на диван и даже спросил: нет ли чего позавтракать. Съел два яйца и закурил сигару. И сердце, и голова у него были наполнены; он жил. Он представлял себе, как Ольга получит письмо, как изумится, какое сделает лицо, когда прочтет. Что будет потом?.. Он наслаждался перспективой этого дня, новостью положения... Он с замиранием сердца прислушивался к стуку двери, не приходил ли человек, не читает ли уже Ольга письмо...» [Гончаров 4: 262]. По нашему мнению, талант Гончарова выражается в мастерстве изображения пограничных состояний героев, какими бы противоречивыми они ни были.

Итак, в своей первой статье Писарев высоко оценил творение Гончарова. В его статье есть очень лестные для автора слова: «“Обломов”, по всей вероятности, составит эпоху в истории русской литературы, он отражает в себе жизнь русского общества в известный период его развития. <...> Это вполне изящное, строго обдуманное и поэтически-прекрасное произведение» [Писарев: 82]. Такое наблюдение критика было не свойственно для натуральной школы. Эта пронизательность стала следствием молодости критика, точнее, его независимости от школ в то время. Позднее Писарев будет судить о Гончарове гораздо жестче.

Спустя два года Писарев в другой статье – «Писемский, Тургенев и Гончаров» – возвращается к мысли о том, что Гончаров по преимуществу писатель объективный, бесстрастный и даже холодный: «У Гончарова нет никакого конька, никакой любимой идеи; утопия всякого рода ему совершенно враждебна; ко всякому увлечению он относится с легким и вежливым оттенком иронии; он – скептик, не доводящий своего скептицизма до крайности; он – практик и материалист, способный ужиться с фантазером и идеалистом; он – эгоист,

не решающийся взять на себя крайних выводов своего мирозерцания и выражающий свой эгоизм в тепловатом отношении к общим идеям или даже, где возможно, в игнорировании человеческих и гражданских интересов» [Писарев: 85].

Первая статья о Гончарове была написана Писаревым в возрасте 18 лет (это была статья о «Фрегате “Паллада”»). Она содержала исключительно хвалебные отзывы в адрес автора. Вторая статья (про «Обломова») написана через год и уже содержит некую критику автора и его равнодушия. Третья статья написана уже в 1861 г., когда Писарев успел пересмотреть свои взгляды на литературное творчество. Теперь он неумолимо требует от писателя гражданских интересов и четкой общественной позиции. Как пишет по этому поводу Тихомиров, «быстрая эволюция философских и эстетических взглядов Писарева – от традиционных, в духе свободного творчества, воспринятых в студенческие годы, – до крайне радикальных и утилитарных, отрицающих все, что не несет непосредственной общественной пользы, свидетельствовала о большой популярности в России середины XIX века позитивистских идей, которые тогда ассоциировались с социальным прогрессом и защитой интересов человека» [Тихомиров 2010: 29].

В 1861 г. 21-летний критик уже подчеркивает совершенное равнодушие Гончарова к своим героям и ко всему действию, происходящему на страницах его романа. Он уверен в следующем: «Постоянно спокойный, ничем не увлекающийся романист наш развязно подходит к запутанным вопросам общественной и частной жизни своих героев и героинь; бесстрастно и беспристрастно осматривает он положение, отдавая себе и читателю самый ясный и подробный отчет в мелких его особенностях, становясь поочередно на точку зрения каждого из действующих лиц, не сочувствуя особенно сильно никому и понимая по-своему всех. Он обсуживает положение и свойства своих действующих лиц, но всегда воздерживается от окончательного приговора» [Писарев: 85]. Писарев сетует, что Гончаров «решительно не хочет выразить своего мнения, своего взгляда на вещи» [Писарев: 89]. Критик ждет от автора оценки поступков героев, обобщений, четкого разделения персонажей на положительных и отрицательных, то есть ждет дидактичности, назидательности. Гончарову же прямое морализаторство было не свойственно.

Свою вторую статью Писарев заканчивает весьма нелестной фразой: «В романе Гончарова я вижу только тщательное копирование мелких подробностей и микроскопически тонкий анализ. Ни глубокой мысли, ни искреннего чувства, ни прямодушных отношений к действительности я не замечаю» [Писарев: 99]. В третьей своей статье «Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова» Писарев снова заки-

дывает Гончарова упреками: «...создания г. Гончарова не выясняют нам ни одного явления жизни, и, следовательно, мы можем взглянуть на всю его деятельность как на явление чрезвычайно оригинальное, но вместе с тем в высокой степени бесполезное» [Писарев: 100].

Главенство общественной пользы литературы над ее художественными достоинствами Писарев будет пропагандировать до конца своих дней. Еще задолго до Маяковского он выскажет мысль о том, что место произведений Пушкина в лавке старьевщика. Критик не смог избежать «базаровской» крайности в суждениях, руководствуясь, возможно, не столько личными убеждениями, сколько модой на отрицание чистого искусства.

Другим продолжателем дела Белинского был Н.В. Шелгунов, который в разгромной статье «Талантливая бесталанность» 1869 г., посвященной только вышедшему роману Гончарова «Обрыв», отметил: «...уже и во времена Белинского чувствовалось, что писателю, кроме таланта, нужно иметь еще нечто... и только один г. Гончаров стремился к идеалу чистого искусства и пел как птица божия, потому что хотелось петь. <...> Что такое писатель, как не общественный деятель? что такое писатель, как не интеллектуальная сила, как не путеводная звезда, за которой идут те, кто понимать и рассуждать безошибочно не в состоянии? Чему же служит в этом случае талант, и для чего он нужен?» [Шелгунов: 236–237].

Этот ряд риторических вопросов не требует ответов. Они нам известны из самого названия статьи: автор бесталанен уже потому, что его творчество бесполезно для общества. И снова критики относят Гончарова к стану сторонников «чистого искусства». Ему ставится в вину неумение быть рупором эпохи, непонимание современных чаяний общества, отсутствие гражданской сознательности.

«Если талант не имеет подобной прогрессивной, просвещающей тенденции, – он не талант, а неудавшаяся сила, – пишет Шелгунов. – Бывали даже неудавшиеся гении, почему же г. Гончарову не быть неудавшимся талантом? А неудавшимся талантом будет всякий писатель, который не в силах иметь воспитательного значения, который не в состоянии пробуждать хороших, благородных чувств и гуманных мыслей» [Шелгунов: 244], – вот в чем искренне убежден автор статьи.

Таков был приговор современной Гончарову критики. Идея вневременности Гончарова не могла быть понята в пореформенную эпоху. Гончаров видел в своих героях прежде всего людей, а не социальную абстракцию. Недаром самый известный и, пожалуй, самый любимый герой Гончарова Обломов недоумевает по поводу сторонников натуральной школы: «Изображают они вора, падшую женщину, – говорил он, – а человека-то забывают или не умеют изобразить. Какое же тут искусство,

какие поэтические краски нашли вы? Обличайте разврат, грязь, только, пожалуйста, без претензии на поэзию» [Гончаров 4: 28]. Не логично ли предположить, что это негодует сам автор, творец Обломова? Разве не Гончаров это кричит, подобно древнему Диогену: «Человека, человека давайте мне!» [Гончаров 4: 28]?

В каждом своем герое Гончаров видел в первую очередь человека, а уже далее мог рассуждать о его слабостях и пороках. И поэтому он не спешил глумиться над персонажами, как это делали последователи натуральной школы, не торопился «извергнуть его из гражданской среды, из общества». Для писателя это значило бы «забыть, что в этом негодном сосуде присутствовало высшее начало; что он испорченный человек, но все человек же, то есть вы сами» [Гончаров 4: 29]. «А как вы извергнете из круга человечества, из лона природы, из милосердия божия?», – вопрошает Обломов и вместе с ним сам автор романа. В этом риторическом вопросе слышится христианский гуманизм Гончарова и его нежелание ввязываться в политическую борьбу и принимать какую-то одну сторону среди враждующих лагерей. Он как художник должен быть над этой борьбой, не ставить сиюминутных целей, а смотреть со стороны и оценивать жизнь с позиции вечности.

Список литературы

Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. 384 с.

Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // И.А. Гончаров в русской критике. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 27–52.

Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост. Отрадин М.В. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 34–68.

Мельник В.И. «Крупный, мыслящий и осмысливающий синтез...» (Возникновение замысла романной трилогии И.А. Гончарова) // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 3. С. 118–199. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199>

Писарев Д.И. «Обломов». Роман И.А. Гончарова // Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: сб. статей / сост. М.В. Отрадин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. С. 69–106.

Синякова Л.Н. Персонология И.А. Гончарова: проблема самоидентификации личности в первой части романа «Обломов» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 2: Филология.

Тихомиров В.В. От А.Н. Радищева до Л.Н. Толстого: статьи о русской литературе и литературной критике: сб. науч. ст. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. 372 с.

Тихомиров В.В. Русская литературная критика XIX века: теория, история, методология. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 376 с.

Тюна В.И. Увертюра к роману (поэтика начальных страниц «Обломова») // Русская литература XIX–XX вв.: Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. 212–219 с.

Шевырев С.П. Об отечественной словесности. М.: Высшая школа, 2004. 302 с.

Шелгунов Н.В. Талантливая бесталанность // И.А. Гончаров в русской критике. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 235–276 с.

References

Aksakov K.S., Aksakov I.S. *Literaturnaja kritika* [Literary criticism]. Moscow, Sovremennik Publ., 1981, 384 p. (In Russ.)

Belinskij V.G. *Vzgljad na russkiju literaturu 1847 goda. Goncharov v russkoj kritike* [Russian literature of 1847. Goncharov in Russian criticism]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, 27–52 pp. (In Russ.)

Dobroljubov N.A. *Chto takoe oblomovshchina? Roman I.A. Goncharova «Oblomov» v russkoj kritike* [What is oblomovshchina? I.A. Goncharov's novel “Oblomov” in Russian criticism: collection of articles]: sb. statej; comp. Otradin M.V. L. Leningr. un-t Publ., 1991, 34–69 pp. (In Russ.)

Melnik V.I. “*A large, thinking and comprehending synthesis...*” (The origin of the idea of the novel trilogy by Ivan Goncharov). *Two centuries of the Russian classics*, 2020, vol. 2, № 3, pp. 118–199. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-3-118-199> (In Russ.)

Pisarev D.I. «*Oblomov*». *Roman I.A. Goncharova v russkoj kritike: sb. statej* [“Oblomov”. Roman I.A. Goncharova. I.A. Goncharov's novel “Oblomov” in Russian criticism: collection of articles], comp. Otradin M.V. L., Leningr. un-t Publ., 1991, 68–106 pp. (In Russ.)

Siniakova L.N. *Personologija I.A. Goncharova: problema samoidentifikatsii lichnosti v pervoi chasti romana “Oblomov”* [Personology I.A. Goncharova: the problem of personality self-identification in the first part of the novel “Oblomov”]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorija, filologija* [Vestnik NSU. Ser.: History, Philology]. 2012, vol. 11, issue 2: Filologija. (In Russ.)

Tihomirov V.V. *Ot A.N. Radishheva do L.N. Tolstogo: stat'i o russkoj literature i literaturnoj kritike: sb. nauch. st.* [From A.N. Radishchev to L.N. Tolstoy: articles on Russian literature and literary criticism: collection of scientific articles]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2015, 372 p. (In Russ.)

Tiupa V.I. *Uvertiura k romanu (poetika nachal'nykh stranijs “Oblomova”)* [Overture to the novel (poetics of the opening pages of “Oblomov”)]. *Russkaia literatura XIX–XX vv.: Poetika motiva i aspekty literaturnogo analiza*. [Russian literature of the XIX–XX centuries: Poetics of motive and aspects of literary analysis]. Novosibirsk, 2004, pp. 212–219. (In Russ.)

Shevyrev S.P. *Ob otechestvennoj slovesnosti* [About Russian literature]. Moscow, Vysshajashkola Publ., 2004, 302 p. (In Russ.)

Shelgunov N.V. *Talantlivaja bestalannost'* [Talented lack of talent]. *I.A. Goncharov v russkoj kritike* [I.A. Goncharov in Russian criticism]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1958, 235–276 pp. (In Russ.)